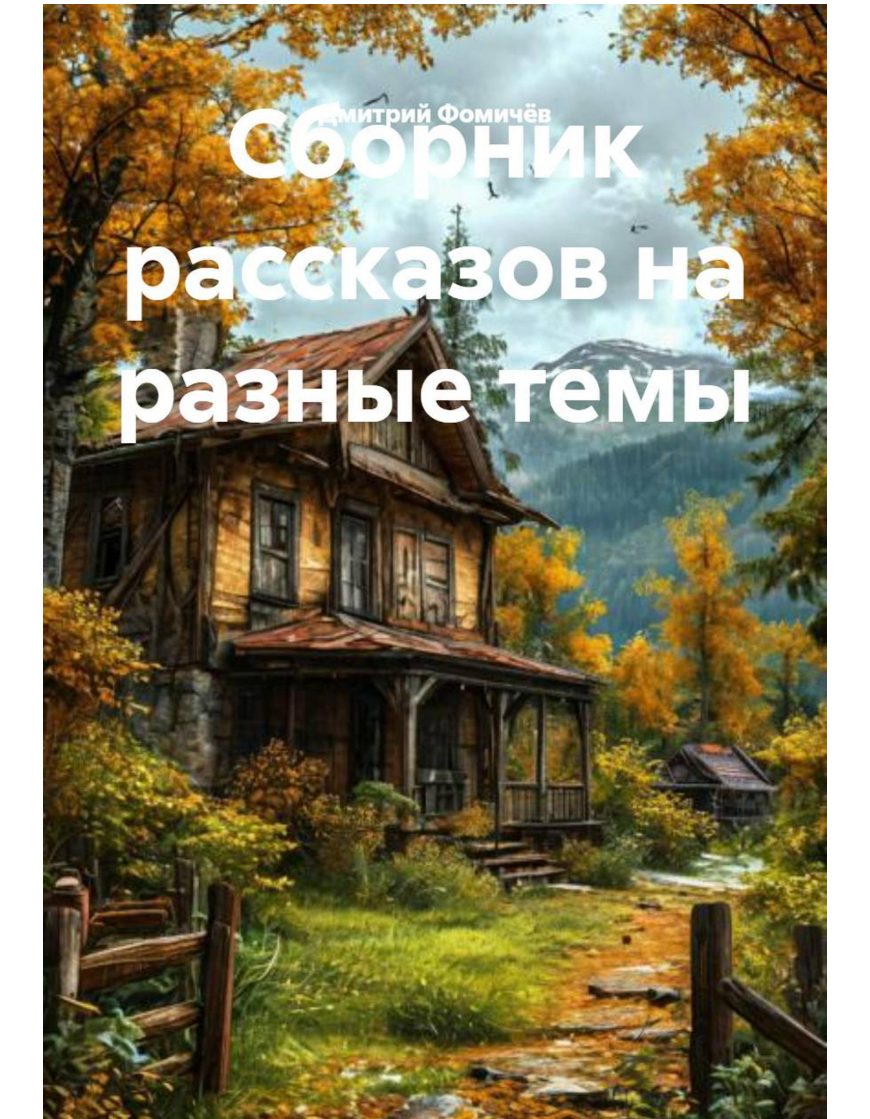

Дмитрий Фомичёв

Сборник рассказов на разные темы

Дмитрий Фомичёв
Сборник рассказов
на разные темы

<https://litres.ru/74457693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пилотный выпуск рассказов на разные темы. Есть рассказы с юмором, есть серьёзные, есть трогательные, есть грустные, есть спорные.

Содержание

Пистолет	4
Последний праздник	10
Луч сквозь тучи	21
Ненужный	26
Футбольный матч	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Фомичёв

Сборник рассказов

на разные темы

Пистолет

В тот день жена была не в настроении. Её переполняла злость. Всё из-за того, что муж — начальник небольшой конторы — как ей казалось, начал флиртовать со своей новой молодой сотрудницей. Она и раньше отличалась ревностью и редко могла стерпеть, когда супруг общался с другими женщинами. А тут до неё дошёл слух: молоденькая сотрудница строит ему глазки на работе, а он в ответ улыбается. Такая ситуация вызвала у жены дикую ревность. В голове замелькали образы: она представляла, как муж ей изменяет.

Вернувшись домой после работы, жена в порыве злости задумалась о мести. Пока муж был на работе, она перебирала способы с ним расправиться.

«Взять нож? Так будет много крови — потом придётся всё оттирать. Нет, не подходит. А может нанести неожиданный удар тяжёлым предметом? Но это слишком рискованно: пока я замахнусь, он заметит и вырвет предмет у меня из рук. Нет... Как же отомстить — я не знаю. Может, яд подсы-

пать, растворить множество таблеток в кофе? Но ядовитых веществ у нас нет, а горечь от таблеток он почувствует одним касанием языка. Да и в медицине я не сильна, к сожалению. Ох, что же делать? Как же мне с ним покончить?»

Тут она вспомнила: «У него же в сейфе хранится пистолет! Точно, как же я сразу не догадалась? Код от сейфа я помню: три, четыре, пять и два. Вскрыть его будет несложно, а извлечь оружие — и подавно. Крови, думаю, будет немного. А как избавиться от тела — разберусь позже. Пока не стоит об этом думать».

Муж вернулся домой позже обычного. Он был умным и предприимчивым мужчиной — создал свой бизнес с нуля. Снимая обувь, он заметил, что жена направила на него ствол. Её лицо искажала гримаса гнева, взгляд был злым, а рот приоткрылся.

— Что случилось, дорогая? — поинтересовался муж.

— Изменять мне вздумал, сволочь! — громко крикнула жена. — Я отдала тебе лучшие годы жизни — а ты так со мной поступаешь?

— С чего ты взяла, дорогая? Я тебе никогда не изменял.

— Хватит лгать! Мне уже напели, как секретарша тебе глазки строила, а ты ей в ответ улыбался! Какой кошмар! Как я это переживу?

Жена не опускала пистолет. Муж посмотрел на неё спокойным взглядом и лишь улыбнулся.

— Где ты его взяла? — спокойно спросил он.

— В сейфе — растерянно ответила жена.

— Он не заряжен. Магазин пустой, деталей не хватает — это просто сувенир, подарок на память. Настоящего оружия у меня нет.

— Чёрт! Ну почему я такая глупая?!

На глазах выступили слёзы. Муж подошёл к ней и пробормотал на ухо:

— Если хочешь, я могу помочь.

— Что?! Ты в своём уме? Я же собираюсь тебя убить — как ты мне поможешь? Ты что, сам в ствол полезешь?

— Знаю, как привести пистолет в рабочее состояние. Не хватает пары деталей, да патронов. У меня есть нужные контакты — достану.

— Ты рехнулся? Ты правда хочешь, чтобы я тебя застрелила?

— Решать тебе. Я просто могу помочь с оружием.

— Тут какой-то подвох. Я тебе не верю.

— Ну так что, нужна моя поддержка или нет? — твёрдо спросил муж.

Жена промолчала. Гнев начал утихать, но цель из головы не уходила. Она была в замешательстве от слов супруга.

— Я пошёл в магазин. Куплю недостающие детали, — сказал муж и покинул квартиру.

Оставшись одна, жена глубоко задумалась: «Что же замыслил этот гад? С чего вдруг такая готовность помочь? Я зла на него, мечтаю от него избавиться, а он внезапно предла-

гает содействие. Что-то тут не так. Наверняка у него есть какой-то план. А вдруг он хочет со мной также счёты свести?! Быстрее, нужно его опередить! Чёрт! А может, удушить его шнуром? Когда вернётся — спрячусь за дверью. Как войдёт — наброшусь. Петлю из шнурка накину на горло и туго затяну. И тогда он перестанет дышать, скотина. Вот так я с ним и расквитаюсь», — жена начала искать подходящий шнурок...

Вскоре нужный шнур был найден. Теперь нужно выбрать место для засады: может, здесь, а может, там? Подойти к входной двери или спрятаться у входа в спальню? Пока она металась в раздумьях, раздался скрип входной двери — вернулся муж с набитыми карманами. Он посмотрел на жену и улыбнулся.

— Зачем у тебя в руках шнур? И почему в кладовке всё разбросано?

Жена волновалась и недоумевала:

— Да... Это... Так... Хотела в кладовке вещи посмотреть...

Муж рассмеялся:

— Видно, тебя опять накрыло волной вдохновения. Что на этот раз?

— Ничего такого — с трудом выговорила она.

— Давай-ка приберись пока. А я схожу и найду патроны. Их сложнее достать, чем детали, но у меня есть нужные контакты. Найти их для меня не проблема.

— Хорошо, я подожду здесь.

Выложив детали на стол, он снова двинулся к двери. Дверь захлопнулась. Жена начала собирать вещи с пола, отложив шнурок в сторону. Ярость понемногу угасла. Собрав вещи и положив их обратно в кладовку, она присела на стул и стала ждать.

Вскоре её охватило волнение: «Что-то его долго нет. А вдруг его задержали с патронами? Из-за этого у него могут быть серьёзные проблемы. А если ничего и не было? Может, я стала жертвой ложных слухов? Ну улыбнулся он пару раз. А что ему ещё делать было? Злиться? Сохранять каменное выражение лица? Ох, эта глупая ревность меня до добра не доведёт... В его взгляде не было ничего, что говорило бы о какой-то тайне. Какая же я глупая... Других слов для себя не нахожу».

Спустя час с небольшим муж вернулся:

— Вот. Я всё принёс. Осталось только собрать механизм.

Он начал сборку прямо при ней: тут присоединить, там поставить.

— Может, помочь со сборкой? — неуверенно спросила жена.

— Да, пожалуйста, придержи вот здесь.

Когда механизм был собран, муж передёрнул затвор и протянул оружие жене. Она смотрела на него с ужасом и замешательством.

— И... что теперь? Что мне с ним делать?

— Ты разве не помнишь?

— Нет... Не совсем.

— Ты же собиралась меня застрелить: или уже передумала?

— Ах, да...

На её лице отразилось раскаяние. Она уже не была уверена в правильности своих действий. Может, вся эта затея — просто глупость, вызванная ревностью из-за ложных слухов? Она спокойно спросила:

— Ты мне изменял?

— Нет, я этого не делал.

— Точно?

— Клянусь, я не лгу.

— Прости меня, пожалуйста. Я не совладала со своими эмоциями и натворила глупостей. Ревность затмила мне разум...

— Да ладно. Проехали.

— Ты на меня не сердишься?

— Я уже привык к такому. Муж твой всё-таки.

— Ну ладно, хорошо.

На лице жены появилась улыбка. Она положила пистолет на стол. Муж бережно взял оружие и убрал его в сейф.

— А знаешь, дорогая? Он всё равно бы не выстрелил. Патроны-то холостые. Где я тебе боевые найду?

— Ну и гад же ты! — сказала жена и кинула в него шнурок, поднятый с пола.

Последний праздник

Глава первая. Первый день.

Андрей переступил порог офиса — и сразу утонул в гулком шуме чужой, уже отлаженной жизни: стрекот клавиатур, тихий перезвон телефонов, чьи-то сдержанные смешки. Всё здесь дышало привычным укладом, устоявшимся порядком, в который ему ещё предстояло вписаться. Он неловко поправил пиджак, будто этот жест мог придать ему уверенности, и пошёл следом за кадровичкой, стараясь не смотреть слишком пристально по сторонам, но всё равно замечая каждую мелочь: торопливое шуршание страниц в папке, мелькание цифр на мониторе, забытый стакан с давно остывшим чаем в углу у окна.

Коллектив встретил его без показного восторга, но и без холодности — так, как встречают любого нового человека: с вежливым любопытством и лёгкой отстранённостью. Андрей здоровался, запоминая имена, ловил обрывки фраз, старался улыбаться в нужные моменты, но внутри всё ещё сжималось от неловкости, словно он стоял на краю чего-то большого и непонятного, где каждое слово могло прозвучать некстати.

А потом он увидел её.

Елена Николаевна, бухгалтер. Женщина лет пятидесяти с небольшим, но выглядела она намного моложе. В её облике

не было и намёка на небрежность: строгий, но изящный костюм, нитка жемчуга на шее, туфли на невысоком каблуке — всё дорогое, выверенное, подобранное с особой тщательностью. Но больше всего Андрея поразило не это, а её лицо: живое, открытое, с лёгкой, почти неуловимой улыбкой, которая, казалось, не исчезала даже тогда, когда она склонялась над бумагами.

Она первой подошла к нему — не как начальница, а как человек, которому искренне хочется, чтобы новенькому было не так неудобно.

— Ну что, осваиваетесь? Не пугайтесь, у нас тут все поначалу теряются, а потом сами не понимают, как без этого шума жить.

Её голос звучал мягко, но в нём чувствовалась внутренняя сила, спокойная уверенность, способная унять чужую тревогу одним только тоном. Андрей молча склонил голову, пробормотал что-то благодарное, а про себя подумал: «Странно. Так улыбаться... У неё, наверное, каждый день праздник».

Позже, на перерыве, он оказался в курилке вместе с парой коллег. Разговор шёл ни о чём: о погоде, пробках, о том, что кофе в автомате опять какой-то не такой. И тут, между делом, Андрей обронил:

— А Елена Николаевна... она всегда такая... ну, радостная?

Один из мужчин, Сергей, усмехнулся, но без насмешки —

скорее с каким-то тёплым удивлением.

— Всегда? Да нет. Раньше она была... ну, обычная. Строгая, собранная, но без вот этого... сияния. А полгода назад стала другой.

— В смысле?

Сергей пожал плечами, выпустил тонкую струйку дыма и посмотрел куда-то в сторону, будто вспоминая.

— Говорят, муж балует. Не просто так, а по-особенному. Каждый день цветы, записки какие-то, то в театр поведёт, то просто так, без повода, купит ей что-нибудь. Она сначала отнекивалась, мол, зачем столько, а теперь... привыкла, наверное. Или не привыкла, а просто перестала отказывать себе в радости.

Второй коллега, молчаливый Игорь, хмыкнул:

— Я бы на её месте тоже улыбался. Когда на тебя вот так смотрят, будто ты — самое важное, что есть на свете... это дорогого стоит.

Андрей слушал, и в груди у него шевелилось странное чувство — не зависть, не любопытство даже, а что-то похожее на тихую грусть пополам с надеждой. «Так бывает?» — хотелось спросить ему. Но он промолчал.

День тянулся, обрастая мелочами: инструктажи, знакомство с папками, первые неловкие попытки разобраться в системе. Андрей старался не отставать, запоминать, не задавать слишком глупых вопросов. И всё это время он то и дело ловил на себе короткий, ободряющий взгляд Елены Ни-

колаевны — будто она издалека присматривала за ним, как за ребёнком, который делает первые шаги.

Глава вторая. Вечер, который запомнится.

Ближе к концу рабочего дня, когда офис уже начал понемногу пустеть, а свет ламп стал казаться чуть тусклее, Елена Николаевна вышла из своего кабинета и, окинув взглядом отдел, улыбнулась чуть шире обычного.

— Так, дорогие мои, — проговорила она, и голос её прозвучал особенно звонко в притихшем пространстве. — Сегодня у нас пополнение. И я не из тех, кто считает, что знакомство с коллективом должно ограничиваться чашкой кофе из автомата. Поэтому предлагаю отметить. Идём в ресторан. Я угощаю. Никаких отговорок: первый день на новом месте — это событие.

В отделе на мгновение повисла тишина, а потом все разом заговорили, заулыбались, кто-то пошутил, кто-то начал быстро закрывать вкладки на компьютере. Андрей почувствовал, как напряжение, копившееся в нём весь день, понемногу отпускает.

Ресторан, куда привела их Елена Николаевна, не стремился никого ослепить.

— Тут хорошо, — сказала она. — Не слишком громко и не слишком тихо.

В зале стоял мягкий полумрак. Тёмно-бордовые скатерти казались чуть бархатистыми, а хрусталь лишь едва мерцал, словно берёг тишину вечера.

Андрей машинально провёл пальцем по грани бокала — стекло было холодным и гладким, как обещание приятных минут.

Негромко и ровно зазвучало фортепиано: музыка не перебивала голоса, а обнимала их, давая каждому слову прозвучать отчётливо.

— Ну, теперь можно и выдохнуть, — улыбнулась Елена Николаевна и подняла бокал. — За Андрея. Пусть у нас будет повод говорить о нём не как о новеньком, а как о своём.

За огромным овальным столом коллектив быстро растерял формальность: кто-то смеялся громче обычного, кто-то, наоборот, говорил тише, доверительнее. Елена Николаевна сидела во главе стола, и в этом не было ни властности, ни желания подчеркнуть своё положение — только естественная способность собирать людей вокруг себя, как огонь собирает тепло.

Она рассказывала истории — не о работе, не о цифрах и отчётах, а о чём-то личном, но не слишком откровенном, таком, что делает человека ближе, не обнажая его до конца. Вспомнила, как в детстве боялась темноты, но прятала страх, чтобы не расстраивать маму. Рассказала, как однажды, будучи совсем юной, заблудилась в незнакомом городе и как незнакомая старушка довела её до дома, держа за руку и тихо напевая что-то под нос. В этих рассказах не было ни хвастовства, ни желания понравиться — только искренность, которая располагала к себе.

И посреди этого уютного шума всё чаще звучал её голос. Она говорила о муже — просто, с какой-то детской гордостью, будто каждый его поступок был чудом, которое ей хотелось показать всем. Рассказывала, как он приносит ей не просто цветы, а именно те, что напоминают ей о детстве; как пишет короткие записки на обороте чеков и прячет их в её сумочку; как однажды, ни с того ни с сего, повёл её слушать уличный оркестр под дождём. И всякий раз, произнося его имя, она чуть наклоняла голову, словно прислушиваясь к собственному сердцу.

— А кем ваш муж работает? — не выдержал кто-то из коллег, когда пауза между историями стала чуть длиннее обычного.

Елена Николаевна на мгновение задумалась, будто вопрос застал её врасплох не своей прямотой, а неуместностью.

— У него свои дела, — ответила она спокойно, чуть отводя взгляд. — Я никогда не спрашивала в подробностях. Мне важнее, что он приходит домой. И что, когда он рядом, весь мир будто становится светлее.

Андрей слушал и ловил себя на том, что пытается совместить эту картину с тем, что видел своими глазами: дорогие наряды, жемчуга, щедрое угощение — и при этом в её словах не было ни капли хвастовства, только чистая, почти трепетная благодарность. Где-то на краю сознания мелькнула неловкая мысль: «А откуда у него на всё это деньги?» — но он тут же отогнал её, потому что в эту минуту она казалась

ему не просто неуместной, а почти постыдной.

Праздник понемногу сходил на нет: разговоры становились тише, улыбки — мягче, а в воздухе всё явственнее чувствовалась усталость дня. Когда все начали расходиться, Андрей задержался у выхода, застёгивая пальто, и краем глаза заметил, как к крыльцу подъезжает машина — не роскошный седан, как ему это представлялось, а самая обычная, потёртая иномарка, выдавшая не одну зиму: бампер чуть поцарапан, на капоте — лёгкий налёт дорожной пыли. Из неё вышел мужчина в простом тёмном пальто, без показной бравады, и, едва увидев Елену Николаевну, улыбнулся так, будто весь вечер был лишь дорогой к этому мгновению. Она скользнула к нему, привычно прижалась щекой к плечу, и он обнял её бережно, будто она и была самой хрупкой.

Андрей ещё немного постоял на ступеньках, вдыхая прохладный вечерний воздух, а потом почувствовал, как внутри медленно оседает странное, смешанное чувство: лёгкая зависть, удивление, а где-то глубоко — тихая надежда, что и такое бывает: не блеск, а тихое счастье, которое держится на чём-то совсем другом.

Глава третья. Серое утро.

Утром ресторанная роскошь казалась Андрею сном. Город стоял серый и равнодушный, будто и не было вчера ни хрусталя, ни музыки, ни слов, от которых становилось теплее. Свет был не приглушённым и уютным, как в ресторане, а плоским, как с фотографии, которую слишком долго дер-

жали на солнце.

В офисе было непривычно тихо — не та деловитая тишина, к которой он начал понемногу привыкать, а какая-то опущенная, скорбная: разговоры звучали вполголоса, смех не рождался вовсе, а если кто и улыбался, то тут же поспешно прятал улыбку, словно стыдясь её неуместности.

Андрей подошёл к Сергею, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия:

— Что случилось?

Сергей опустил глаза, покрутил в пальцах ручку, будто искал в ней опору, и тихо, без лишних слов, произнёс:

— Елена Николаевна... ночью сердце остановилось. Просто легла спать и не проснулась.

У Андрея похолодели пальцы. Он только качнул головой, не находя слов, вышел на улицу, к маленькой площадке у входа, где курили, и достал сигарету. Руки слегка дрожали, и он сам не знал — от утреннего холода или от того, как резко мир потерял равновесие.

Сквозь сероватую дымку он вдруг заметил знакомую машину — ту самую, потёртую иномарку, что подъезжала к ресторану. Рядом с ней стоял мужчина в том же тёмном пальто, только теперь в нём не было той спокойной уверенности: плечи его будто осели, а лицо стало каким-то бескровным, чужим.

Андрей медленно подошёл, неловко кашлянул, собираясь с духом:

— Простите... я вчера видел, как вы забирали Елену Николаевну. Я... просто хотел сказать, что мне очень жаль. Если можно, расскажите, что произошло?

Мужчина посмотрел на него долгим, усталым взглядом, в котором читалась не враждебность, а изнеможение человека, которому слишком тяжело держать в себе всё, что накопилось.

— У неё были проблемы с сердцем, — произнёс он тихо, почти шёпотом, будто боялся, что эти слова могут ранить даже воздух вокруг. — Врачи сказали, что это могло случиться в любой момент. Я узнал полгода назад. Она ничего не знала. Не должна была знать.

Он запнулся, сглотнул, и Андрей вдруг увидел, как в его глазах собираются слёзы — крупные, тяжёлые, те самые, которые невозможно скрыть.

— Я не хотел, чтобы она жила в страхе, — голос мужчины дрогнул, и он на секунду прикрыл глаза. — Не хотел, чтобы она боялась засыпать. Чтобы каждый удар сердца становился поводом для тревоги. Я продал квартиру, что досталась от родителей. Брал крупные кредиты, которые сложно выплатить. На эти деньги я дарил ей праздники: цветы, платья, театры. Не ради показухи. Просто хотел, чтобы каждый её день был светлее. Пусть я останусь ни с чем — мне было важно, чтобы она ушла с улыбкой.

Тут он не выдержал: плечи его затряслись, и слёзы наконец прорвались наружу. Он не прятал слёз, не отворачивал-

ся — просто стоял и плакал, как человек, который столько времени держал в себе целую бурю, и теперь она вырвалась на волю.

Андрей стоял перед ним, не зная, что сказать, не решаясь даже положить руку ему на плечо — боялся, что любое прикосновение сейчас будет слишком резким, слишком грубым для этой обнажённой боли. Он только тихо пробормотал:

— Простите, что спросил. Простите, что заставил вспоминать.

Мужчина кивнул, вытер лицо рукавом, словно стыдясь своей слабости, но тут же снова поднял глаза — теперь в них была не только боль, но и какая-то тихая гордость:

— Не извиняйтесь. Пусть кто-то знает. Пусть кто-то поймёт, что я не просто так тратил, не просто баловал. Я любил её. И хотел, чтобы её последние месяцы были самыми светлыми.

Андрей вернулся к урне, бросил туда недокуренную сигарету и достал новую, но не спешил подносить огонь. Он покрутил её в пальцах, потом медленно положил обратно в пачку. Не хотелось курить. Хотелось просто стоять и думать.

«Он продал квартиру... ради того, чтобы она улыбалась».

Андрею вдруг стало стыдно за собственные мелкие тревоги, за то, как он весь день считал чужие взгляды и боялся показаться неловким. Рядом с этой тишиной, с этим выбором, его страхи выглядели жалкими.

Мир оставался серым, но сквозь эту серость теперь про-

ступало что-то важное — горькое, но необходимое, как правда, которую наконец-то смог услышать.

Он застегнул пальто и медленно пошёл прочь, чувствуя, как в груди тихо шевелится новая, непривычная мысль: самое сильное чувство не кричит и не требует признания. Оно просто делает так, чтобы другому человеку было светлее. И, возможно, именно это и стоит уметь делать.

Луч сквозь тучи

В один из тех хмурых осенних дней, когда небо висит низко, словно провисшая крыша, две давние подруги встретились в маленькой кофейне на окраине города. Воздух был пропитан запахом свежесваренного кофе и едва уловимой горечью увядающих листьев за окном. Где-то вдалеке слышался стук дождя по крыше, а дверь время от времени скрипела, впуская очередного посетителя.

Одна из женщин, Анна, заметно волновалась. Её пальцы безостановочно отщипывали крошечные кусочки от бумажной салфетки, разложенной на столе, а взгляд то и дело скользил в сторону, будто кто-то мог подслушать их разговор.

— Знаешь, Лиза, — начала она негромко, почти шёпотом, — я не нахожу себе места из-за Светки. После того как её муж погиб — помнишь, тот страшный случай с ножом на улице? — она совсем переменилась.

Лиза покачала головой:

— Аня, не драматизируй. Она просто переживает. Время лечит.

— Время? — Анна резко подняла глаза. — А если оно её сломает? Ты видела, как она выглядит? Как призрак! И это не просто тревога, Лиз... Мы с ней ещё со школы вместе, лучшие подруги. Я её знаю, как себя: мы делили один

бутерброд на двоих, прятались от дождя под одной курткой, плакали в плечо друг другу из-за первых влюблённостей. У меня к ней особое чутьё — если я чувствую, что что-то не так, значит, это серьёзно.

— Прости, — тихо сказала Лиза, смягчившись. — Я не подумала об этом.

— Часами стоит у могилы, — продолжала Анна, и её голос дрогнул. — Я однажды подошла незаметно... Она шептала: «Саш, ну повернись, посмотри на меня. Почему ты молчишь? Скажи хоть слово...» А потом вдруг засмеялась: «Ах да, ты же просто спишь. Сейчас разбуду...» У меня тогда всё внутри похолодело.

Лиза молча кивнула, внимательно глядя на подругу. Она знала, что Анна не из тех, кто поддаётся пустым тревогам.

— Может, стоит с ней поговорить? — предложила она уже серьёзно. — Дай мне её адрес. Я попробую.

На следующий день подруга отправилась к Светлане. Она встретила Лизу в своей квартире, где всё напоминало о покойном муже: его фотография на столе, забытая газета с кроссвордом, который он так и не доделал, лежала на кресле. На краю стола — чашка с засохшими остатками кофе, будто он вышел на минуту. В воздухе витал запах его любимого табака, запасённого на долгое время, но Лиза поняла: это Светлана специально зажигает его трубку каждое утро, чтобы чувствовать его рядом.

Женщина выглядела измождённой — под глазами залегли

тёмные круги, руки дрожали, когда она наливала чай. Но в глазах её светилась какая-то странная, почти детская надежда.

Разговор получился недолгим, но в нём Светлана впервые открыто поделилась своей болью:

— Понимаете, — говорила она тихо, глядя в окно, за которым кружились жёлтые листья, — когда я там, на кладбище, мне кажется, что он всё ещё со мной. Я сажусь рядом, рассказываю, что происходит... Иногда чувствую, как он берёт меня за руку. Конечно, это просто ветер шевелит волосы у виска, но на миг мне кажется, что это его прикосновение — она сжала край платья, — если я перестану так думать, то окончательно потеряю его. А без этой мысли мне нечем дышать.

Лиза слушала, и сердце её сжималось от сострадания. Она осторожно предложила помощь, заговорила о психологах, о друзьях, о необходимости жить дальше. Но Светлана лишь покачала головой:

— Спасибо, но... пока я не готова. Мне нужно время.

В её голосе не было раздражения — только глубокая, всепоглощающая печаль. Прощаясь, Лиза обняла подругу и почувствовала, какая та худая и холодная.

Выйдя на улицу, Лиза остановилась, глубоко вдохнула сырой осенний воздух и задумалась. Как же тяжело, наверное, жить с такой болью, — мелькнуло в её голове. Я никогда не представляла, насколько тяжело жить с такой болью — те-

рять близкого и оставаться один на один с пустотой...

Прошла неделя. За это время произошло несколько небольших, но важных событий.

Сначала Светлана впервые за долгое время вышла из дома не на кладбище — она дошла до соседнего парка и просто посидела на скамейке, глядя на клён с пылающими листьями. На следующий день она позвонила Анне и попросила привезти старые фотоальбомы. Долго перебирала снимки, улыбалась каким-то кадрам, а на одном — где они с мужем смеются на море — впервые заплакала не от боли, а от светлой грусти.

Анна и Лиза снова встретились в той же кофейне. За окном моросил дождь. Капли ползли по стеклу, будто не решаясь упасть.

— Ну, что? — с тревогой спросила Анна. — Что она сказала?

— Она не сумасшедшая, — ответила Лиза задумчиво. — Просто очень, очень несчастная. Но знаешь... вчера она впервые за долгое время не пошла на кладбище. Позвонила мне и попросила приехать. Мы пили чай, она рассказывала о нём — о том, каким он был, как они мечтали о будущем... И вдруг она замерла на полуслове, посмотрела в окно и улыбнулась. Совсем чуть-чуть, краешком губ.

«Знаешь, — сказала она, — а сегодня клён во дворе такой красивый. Я никогда не замечала, как он прекрасен каждый год...» Потом помолчала и добавила: «Завтра, наверное, по-

звоню Марине... Мы давно не виделись. Саша всегда говорил, что она отличный собеседник».

В её глазах появилась искра — что-то живое, почти забытое, будто отблеск былого света.

Анна вздохнула с облегчением. Её пальцы, до этого судорожно сплетённые, наконец расцепились. На мгновение она прикрыла глаза, будто мысленно вернулась в школьные годы — туда, где они с Светланой бежали по лужам после уроков, хохотали над глупыми шутками и клялись быть подругами навсегда.

— Значит, моё чутьё меня не подвело, — прошептала она. — Не в том смысле, что я боялась худшего, а в том, что чувствовала: ей нужна не тревога, а поддержка. Просто быть рядом.

— Кстати, — добавила Лиза, — я узнала, что её сестра и коллеги тоже пытались помочь. Предлагали всё: от психологов до путешествий. Но она от всего отказывалась. Видимо, только наша тихая забота и терпение смогли что-то изменить.

За окном дождь вдруг прекратился. Сквозь серые тучи пробился тонкий луч солнца и упал на столик, осветив чашки с остывшим кофе.

Ненужный

Глава 1. Вечер в электричке.

Вечер в электричке тянулся тягуче, будто время нарочно замедлилось, чтобы дать каждому пассажиру сполна напиться своей усталостью. В полупустом вагоне ехал Павел Геннадьевич, тренер по боевому искусству. В его осанке чувствовалась собранность, в движениях — привычка к контролю, но сегодня эта собранность была не столько силой, сколько бронёй: после командировки хотелось просто доехать, не вступая ни в какие разговоры.

Неподалёку, стараясь слиться с сиденьем, сидел подросток лет пятнадцати. Он будто хотел стать невидимым: полноватый, среднего роста, с кудрявыми тёмными волосами и носом картошкой. Под глазом синел свежий синяк, переносица была припухшей — словно кто-то уже напомнил ему, что он здесь лишний.

Павел поймал себя на том, что смотрит на мальчика слишком долго. Это был взгляд не любопытства, а узнавания: в этом сжавшемся, старающемся не занимать лишнего места подростке он увидел что-то, что отозвалось внутри негромкой тревогой. Повинуясь внезапному порыву, Павел подсел рядом.

— Привет, — сказал тренер спокойно, без напора, будто боялся спугнуть.

— Здравствуйте, — отозвался подросток с удивлением, словно к нему редко обращались по-доброму.

— Как могу к тебе обращаться?

— Серёжа.

— Понятно. А я Павел Геннадьевич. Можно просто дядя Паша. — Он протянул руку. — Куда едешь?

— Да неважно.

— Не хочешь говорить? Ладно. Только вижу: вид у тебя потрёпанный. Кто-то обидел?

— Это тоже неважно.

— А если я помогу, станет важно?

— И как вы поможете?

— Сперва надо понять, что случилось. Без этого не помогу. Верно?

Серёжа помолчал, будто взвешивал, можно ли доверять этому незнакомому взрослому. И вдруг слова полились сами, будто прорвало плотину. Издевательства в школе стали рутиной: тычки, подзатыльники, насмешки. Дома было не легче: мама сначала ходила разбираться, а потом начала давить: «Ты должен уметь за себя постоять!» Для Серёжи это звучало как приговор: он не хотел никому делать больно, а мысль о том, чтобы ударить в ответ, пугала его ещё сильнее. В последнее время усталость стала такой тяжёлой, что он ловил себя на мыслях, от которых становилось страшно.

Однажды по телевизору он увидел передачу про аномалии: про зоны, где происходят необъяснимые вещи. Особен-

но его зацепила идея похищений: будто пришельцы забирают людей из этого невыносимого мира. Мысль о том, что его могут просто забрать куда-то далеко, показалась не страшной, а спасительной. Он узнал, что одна из «аномальных зон» находится недалеко от города. Тайком взяв деньги из маминного кошелька, он купил билет, словно это был ключ к другому миру.

Павел слушал, не перебивая. Он не спешил называть всё это выдумкой: для мальчика эти истории были не бредом, а последней надеждой. Сам Павел возвращался из командировки; дома его ждали жена и десятилетний сын. История попутчика отозвалась в нём чем-то острым и личным — не воспоминанием, а скорее предчувствием: будто он стоит перед чем-то хрупким и очень важным, и одно неловкое движение может всё сломать.

Он осторожно спросил про спортивные секции, но Серёжа лишь пожал плечами: спорт его не интересовал, а физкультура в школе была единственным местом, где он последний раз привлекал к себе внимание.

Павел предложил купить обратный билет, но мальчик отказался: он хотел увидеть НЛО, хотел, чтобы его забрали. Павел понимал, насколько это наивно, но не мог оставить подростка одного в незнакомом месте.

Глава2. Ночёвка в избушке.

Они вышли на нужной остановке и двинулись через лес. Аномальная зона, о которой говорили в передаче, оказалась группой каменистых холмов, вокруг которых ходили слухи: приборы там будто бы начинали барахлить, по ночам видели странные свечения. Рядом стояла небольшая деревня. Время было позднее, лезть на холмы в темноте не имело смысла.

Жители деревни про «аномалию» знали давно и относились к ней с усталой иронией. Ночлег нашли быстро, хотя и недёшево. Они сняли комнату в старой бревенчатой избушке: тесная, с двумя металлическими кроватями на панцирных сетках, посередине — небольшой деревянный стол, будто застывший в ожидании чьих-то тихих разговоров.

Перед сном Павел вышел поговорить с хозяином дома. Тот посмотрел на тренера внимательно, будто считывал что-то важное.

— Ты о пареньке заботишься, — произнёс он не как вопрос, а как факт. — В его город переберись да научи его держать удар. Можешь хоть к нему домой приходить. Для него это будет самое нужное. Что до пришельцев... Я их не видел. Сюда телевизионщики приезжали с камерами и реквизитом — не знаю, что снимали, но правды в тех передачах не было. Скажи парню, что инопланетян нет, но ты сам готов ему помочь. Объясни, что доброта — дело хорошее, но без умения постоять за себя в жизни тяжело. Если хочет, чтобы его не трогали, пусть научится себя защищать. Страх — он ведь как ржавчина: если дать ему волю, съест всё изнутри.

Павел кивнул. Слова хозяина легли на сердце ровно — без пафоса, по-простому. В них не было ни осуждения, ни восторга, только спокойная уверенность человека, который много видел и не раз ошибался.

В комнате Серёжа ещё не спал. Он сидел на кровати, уставившись в тёмное окно, будто надеялся разглядеть в нём хоть намёк на чудо. Когда вошёл Павел, мальчик поднял глаза.

— Как вы думаете, дядя Паша, а летающие тарелки по каким часам летают? — спросил он тихо, почти шёпотом, будто боялся, что если скажет громко, мечта рассыплется.

Павел едва сдержал улыбку: нелепость фразы была очевидной, но в ней было столько надежды, что смеяться было нельзя. Он сел на край кровати и заговорил серьёзно, без снисхождения:

— Серёж, скажи честно: если окажется, что никаких пришельцев нет, а всё, что тебе говорили, — это просто байки для зрителей, что тогда?

Лицо мальчика вспыхнуло от обиды.

— Опять вы туда же! Мне уже сто раз говорили: «Пришельцев нет, это сказки». Ну, Бога тоже никто не видел, а в него верят. Если в Бога верят, хотя его никто не видел, почему в инопланетян нельзя верить? Почему именно мою веру все ругают?

— В Бога верят не все. И не ругают твою веру, Серёж. Просто она заставляет людей о тебе беспокоиться. И ещё... ты деньги у мамы взял.

Серёжа вскочил, голос сорвался на крик:

— А я просил вас обо мне беспокоиться?! Это вы ко мне подсели! Это вы начали расспрашивать! Это вы согласились меня сопровождать! Я вообще ничего у вас не просил! Ни помощи, ни советов! А теперь вы ещё и мою веру неправильным называете?!

Он выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью. Павел замер, чувствуя, как внутри всё сжалось: он перегнул палку, ударил по самому больному. Через пару минут он вышел на крыльцо. Серёжа стоял у ступенек, плечи вздрагивали от беззвучных слёз. Павел подошёл и осторожно положил руку ему на плечо.

— Прости меня, друг. Я хотел помочь, а получилось, что сделал больно. Прости.

— Зачем вы вообще хотите мне помочь? — прошептал Серёжа, вытирая слёзы рукавом.

— Не знаю. Просто... хочу. Прости за резкие слова. Не думал, что они так ударят.

Мальчик молчал, глядя куда-то в темноту.

— Скажи, если ты не встретишь инопланетян, если они тебя не заберут, что тогда будешь делать?

— Я не знаю. Я об этом не думал. Я очень надеялся, что они меня отсюда заберут.

— А почему ты решил, что они должны тебя забрать?

— Ну... они же похищают людей. А чем я хуже остальных?

— А ты уверен, что если тебя похитят, это будет хорошо?

— Конечно! Они меня заберут к себе на планету.

— И что они там будут с тобой делать?

— Не знаю...

— Представь: ты для них — как зверёк в лаборатории.

Или вообще не существуешь для них, как мы не замечаем муравьёв. Ты правда хочешь оказаться там, где ты просто любопытный экспонат?

Серёжа вдруг фыркнул и неожиданно рассмеялся — смех вышел нервным, но настоящим. Напряжение, копившееся неделями, начало таять.

— Да нет! Они же разумные существа!

— Люди тоже разумные. Только посмотри, что они творят. Тебе в школе покоя не дают.

— Так они разумнее людей! Они к нам прилетели, а не мы к ним. Значит, у них больше знаний.

— Ум и разум — разные вещи. Подрастёшь — поймёшь. Пойдём спать.

И тут рядом с одним из холмов вспыхнуло яркое свечение, на мгновение разорвавшее темноту. В воздухе мелькнуло что-то большое и приплюснутое, скользнувшее в сторону леса. Серёжа замер, а потом сорвался с места.

— Это же летающая тарелка! Дядя Паша, мы нашли! Ура! Побежали скорее!

Глава3. Поляна и невидимая стена.

Они продирались сквозь темноту, спотыкаясь о корни и царапаясь о ветки, пока не выбежали на поляну. Над ней висел странный объект, похожий на тарелку. Он начал медленно снижаться. Павел схватил Серёжу за плечи, удерживая его на месте.

— Стой! Мы не знаем, чего от них ждать.

Корабль мягко опустился на землю. Люк открылся, опустилась лестница. Из корабля вышел гуманоид — человекоподобный, с большими тёмными глазами. Он провёл рукой по воздуху, оставив за движением лёгкую белую дымку, которая быстро растворилась. Затем он начал подниматься обратно.

Серёжа рванулся вперёд, но, не добежав, врезался во что-то невидимое — будто в прозрачную стену. Он упал. Инопланетянин заметил его, посмотрел своими чёрными глазами, достал цилиндрический прибор, поднял его над собой. Раздался сухой, резкий хлопок, похожий на щелчок пальцев, только в сто раз громче. Гуманоид убрал устройство и скрылся в корабле. Через минуту тарелка начала подниматься в небо.

Когда Серёжа пришёл в себя, он сидел на земле и смотрел вслед уходящему кораблю. Павел присел рядом, обнял его за плечи.

— Ты не сильно ушибся? Болит что-нибудь?

— Нет. Ничего не болит.

— Расстроился, что не позвал?

Серёжа кивнул.

— Может, и к счастью, что не позвал. Знаешь, иногда самое страшное в чудесах — то, что они совсем не такие, какими мы их себе представляем. Может, они и не злые, но и не добрые. Просто другие. И тебе там было бы одиноко, как сейчас в школе, только в тысячу раз сильнее.

Серёжа слабо улыбнулся. Грусти в его глазах стало меньше.

— Тогда возвращаемся в избушку, высыпаемся, — сказал Павел. — Завтра идём на станцию, покупаем билеты до твоего города. Потом пойдём к тебе домой, я поговорю с мамой. Если всё пойдёт по плану, я помогу тебе научиться чувствовать себя увереннее. Чтобы ты мог постоять за себя, если придётся.

— А это бесплатно? — тихо спросил Серёжа.

— Обсудим с твоей мамой. Но я не ради денег это делаю.

— Хорошо, — выдохнул мальчик, будто с плеч свалился тяжёлый камень.

Они поднялись и пошли обратно к деревне. По дороге Павел спросил:

— Ты заметил, чем занимался гуманоид?

— Он распылил какое-то белое вещество.

— А потом достал цилиндр и щёлкнул им над головой.

— Что он мог делать?

— Думаю, он просто убирал за собой. А ты для него был

как ребёнок, который бежит к чему-то опасному. Он щёлкнул этим прибором, чтобы зафиксировать момент — как мы фотографируем что-то забавное. Не со зла. Просто по-своему.

Серёжа снова улыбнулся, уже спокойнее.

Вернувшись в избушку, они легли спать. И впервые за долгое время Серёжа уснул без страха.

Глава 4. Возвращение.

Утром, позавтракав у хозяйки, Павел и Серёжа отправились на станцию. Когда они подошли к дому мальчика, их встретила взволнованная мать: лицо бледное, глаза красные, будто она не спала всю ночь. Она бросилась к сыну, хотела схватить его за руку и отчитать, но присутствие Павла остановило её порыв.

Павел мягко предложил поговорить наедине. Он рассказал всё: про травлю в школе, про побег и ночные поиски «летающей тарелки», про то, как Серёжа, разочаровавшись в своей мечте, впервые услышал от взрослого слова поддержки без осуждения.

Тренер предложил свои услуги: он готов обучать мальчика основам самообороны, чтобы тот научился защищать себя. Плату попросил символическую, а занятия предложил проводить в небольшой группе — так Серёжа не чувствовал бы себя в центре внимания. Мать колебалась, но в глазах сы-

на она увидела не страх, а робкую надежду, и согласилась.

Занятия начались в тот же день. Уже через неделю Серёжа не просто выучил несколько приёмов — он впервые почувствовал, что может что-то изменить. В его взгляде появилась уверенность, не агрессивная, а спокойная: он больше не искал драки, но и не позволял себя унижать. После одного случая, когда он твёрдо дал понять, что себя в обиду не даст, приставать перестали.

Годы шли. Серёжа повзрослел, обрёл опору в себе. И, в знак благодарности человеку, который вовремя протянул ему руку, назвал своего сына Павлом.

А Павел Геннадьевич, вспоминая ту историю, всегда говорил своему ребёнку: сила — не в том, чтобы уметь драться, а в том, чтобы быть сильным духом: добрым, ответственным, способным понять и поддержать другого. В этой силе не было показной твёрдости — только тихое, упрямое желание не дать сломаться тому, кто рядом.

Футбольный матч

Дед Борис разменял уже седьмой десяток. Жил он в небольшом провинциальном городке в старом деревянном доме вместе со своей престарелой супругой. Дети его уже давно выросли, а теперь начали подрастать и внуки. Они разъехались по другим городам, лишь иногда навещая старых родственников. Друзей и знакомых у Бориса уже практически не осталось. В последнее время вёл он довольно скромную жизнь и мало с кем общался.

В один из дней супруга попросила мужа прибраться на чердаке. И вот среди пыльного хлама был найден старый футбольный мяч. Держа его в руках, Борис преисполнился воспоминаниями о своих молодых годах, когда он вместе с друзьями этот мяч гонял по стадиону. Под воздействием ностальгии ему захотелось посетить то место, где всё происходило. Старик аккуратно отряхнул мяч от пыли, провёл ладонью по потрескавшейся коже — будто касался самого времени. В голове зазвучали звуки юности: гул трибун, топот ног по траве, выкрики товарищей, свист ветра в ушах, когда он, разогнавшись, мчался к воротам.

На следующий день в полуденное время Борис отправился вместе с мячом на заброшенную футбольную арену. Всё поле заросло травой. По обе стороны стояли ржавые металлические ворота — некогда яркие, а теперь покрытые буры-

ми пятнами коррозии. Сетка на них почти полностью истлела: ключья висели, покачиваясь от лёгкого ветерка, словно призраки былых матчей.

Пребывая в чувствах ностальгии, герой попытался воспроизвести в голове тот положительный свет из памяти. Он, восемнадцатилетний юноша, пришёл погонять мяч со своими друзьями. Тогда разделились на две команды. На одних воротах стоял здоровый парень, который в будущем погибнет на войне, на других поставлен был толстяк, что потом разобьётся в аварии. На защите были парни с разными судьбами. Кто уехал, кто спился, кто не справился с сердцем. Один вообще решил уйти по своей воле, не справившись с потерей близкого человека. В нападении, помимо ранее представленных, находились утопленник, подорванный на mine солдат и человек, ушедший из-за несчастного случая на работе. Матч в тот день выдался жарким. Было забито много голов. Эмоции переполняли ребят. После игры ребята собрались на скамейках недалеко от поля. Пили безалкогольные напитки, играли в карты, пели песни под гитару, рассказывали друг другу различные истории, подшучивали и смеялись друг над другом. Было очень весело тогда.

Грустно было на душе Бориса от мыслей, что когда-то что-то приносило радость, а теперь уже не будет больше никогда. Поставив мяч посередине, мужчина, разбежавшись, ударил по нему. Мяч попал прямо в ворота. На лице появилась улыбка. «Хоть на что-то я ещё способен. Жаль, что ноги мои

уже не те». Борис ещё несколько раз ударил по мячу — сначала осторожно, потом сильнее, вспоминая старые приёмы. Каждый удар отзывался в душе тёплой волной: будто не прошли годы, а он всё ещё там, среди друзей, полный сил и надежд.

Старик уже хотел покидать поляну, как вдруг он услышал за спиной осторожные шаги. Оглянулся и увидел мальчишек лет двенадцати — они стояли у кромки поля, с любопытством разглядывая старика с мячом. Один из них, самый смелый, крикнул:

— Дедушка, а вы в футбол играли?

Борис улыбнулся:

— Ещё как играл! В молодости я был лучшим нападающим на весь район.

Мальчишки переглянулись, и тот же паренёк предложил:

— А давайте с нами сыграем? Нас шестеро, как раз две команды получится.

Сердце Бориса дрогнуло. Он окинул взглядом заросшее поле, ржавые ворота, потрескавшийся мяч в своих руках — и вдруг понял, что это шанс вернуть хоть частицу того времени.

— Ладно, — кивнул он. — Но с одним условием: я буду тренером. Покажу вам пару финтов, которым меня когда-то научили.

Ребята радостно закивали и быстро разделились на команды. Борис же расставил игроков, объяснил правила и даже

придумал пару тактических ходов.

Игра началась. Дед не бегал наравне с мальчишками — возраст не позволял, — но он подсказывал, подбадривал, смеялся над их неуклюжими попытками повторить его приёмы. А когда один из ребят забил гол, скопировав его фирменный удар с разворота, Борис не выдержал и сам выбежал на поле, чтобы похлопать юного футболиста по плечу.

Матч длился около часа. После него мальчишки, запыхавшиеся и счастливые, подошли к Борису:

— Спасибо, дедушка! Вы такой крутой! Приходите ещё с нами играть!

Он кивнул, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы — на этот раз не от тоски, а от радости.

По дороге домой Борис шёл медленно, бережно неся мяч под мышкой. В голове всё ещё звучали голоса — не призраки прошлого, а живые, звонкие голоса ребят. Он понял, что память — это не только грусть о том, чего больше нет. Это ещё и возможность передать что-то важное тем, кто только начинает свой путь.

Дома его ждала жена. Увидев сияющее лицо мужа, она улыбнулась:

— Ну, как там стадион?

— Знаешь, — Борис сел на стул и выдохнул, — он снова живой. Там теперь играют другие.

Супруга молча подошла, погладила его по седой голове и поставила на стол чашку горячего чая. В этот вечер дом, ко-

торый давно казался тихим и опустевшим, наполнился теплом — таким же, как в те далёкие дни, когда молодость была рядом, а будущее казалось бесконечным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.